

Fr. -

ИНОЙ ВЕРЛЕН

.. Если следовать распространенному взгляду, которого придерживаются как почитатели, так и противники Верлена, он всегда оставался ребенком.

По их словам, Верлена не коснулась горечь тяжелых переживаний, что ведет прочих к недеселому финалу. Здесь угадывается зависть — как же! ведь несмотря ни на что, он оставался юным и следовал за бабочкой беззаботной фантазии, без страха глядя, как та пылью просыпается между пальцев, ведь он срывал розы желания без боязни уколоться насмерть. Потому этот поэт и не знал ни добра, ни зла. Он грешил, не ведая. И в блаженном неведеньи он молился.

.. Это, в основном, все, что пишут о Верлене. Но взглянавшись глубже, начнем с того, что должно различать два личностных аспекта в поэте: его пушу и его разум.

Душа Верлена, так открыто и ясно лышащая в его поэзии, нежно хранящая сведесть детства, изящный наив, порывистости и одиночество, жаждущее тепла, — эта душа прочувствуется за изумительной недовкостью и неуклюжим обаянием. ..

Когда же мы вдумываемся в его сознание, то видим, что в Верлене не было ничего ребячего, не было того грациозного лурачества, которое мы ему приписываем. Он был болен страданием, он любил, и любил в скорби. Его мозг, цепко схваченный холочными когтями опыта, передивал зло и получал удовольствие, честно называя его. Добродо Бодлеру, сумрачному поэту с не менее нежным сердцем, Верлен имел слегка диничную тягу к пороку и приходил в восторг от мысли об адском пламени. Он грешил, чтобы привлечь к себе божественное внимание, ибо вне горьких не представлял своего "я" в этой безмерной вселенной. Но если грешил он разумно, душой он кротко верил.

То, что я хочу сказать, легко показуемо. Давайте полистаем написанное им, чтобы убедиться в верности сказанного. Когда опубликовали первую подборку его стихов "Сатур-

"налии" - молодой и неизвестный поэт мало чем отличался от мастеров-современников: парнасцев. Нетрудно обнаружить в этих маникюрных стихах высокомерную сухость Леконта де Лиль безнадежный пессимизм Эречиа, и все же какие-то разбросанные по страницам строки, казалось, обещают что-то новое, хотя бы миниатюра "Соловей", дрожащая в финале таким живым дыханием:

Мелодическая, жгучая, ночной
Уныния полна и тишины
Печаль, что зябнущую ветку укачала
И птицу, плачущую нежным ветром тьмы.

Потом "Галантные празднества" - блестящая компания остроумных характеров итальянской комедии: смех да песенки влюбленных под белым светом луны. Давнее очнулось и - обновилось. Смычок причудливой скрипки выводил странные резкие звуки, которые захватывали сердца. Книга имела громадный успех.

В это время Верлен вел взбалмошную и бурную жизнь, которая закончилась одним из величайших скандалов в литературной истории.

Далее вышла - "Добрая песня", Верлен объявил о помолвке и стал наиромантичнейшим из женихов, отказавшись от своей разболтанной жизни:

Довольно на сегодня мне смертей,
Мыслишь гибельных, рифмованных костей...

Жизнь поэта туманна, несмотря на то, что он так близок к нам, а может быть именно по этой причине. Следуя Бог знает чему, Верлен оставляет жену и кидается в бездумность дебошер, отвратительных безобразий пьянства и нездоровых связей.

Но приходит раскаяние, и тогда являются восхитительные стансы "Мудрости" с мрачным и трогательным великолепием "Подражания".

Хочу процитировать целиком это стихотворение - влажную, напитанную сожалением, чувственную и пронзительную музыку без рифм, чья гармония сжимает неотразимой меланхолией:

Мой Бог, ты поразил меня любовью
И рана все еще кровяниится и рвется...
Мой Бог, ты поразил меня любовью.

И пусть глаза мои меня обманут,
Пускай в слезах молитвенных погаснут...
И пусть глаза мои меня обманут.

Покаянные слова чередуются запросто со строками, прославляющими всяческие, отнюдь не безобидные удовольствия. Верлен грешит напропалую, потом искренне раскаивается. Вот мы и достигли самого главного: поэт осознает, что он слаб, и в порыве отчаяния соединяет в своей луше веру и неверие — вкус зла вплетается в мольбу. Стихи после имеют многозначительное название "Параллельно". Это важнейшая работа Верлена, не с точки зрения ее литературной ценности, а потому, что она из себя представляет. Именно эта книга доказывает, что Верлен сам, больше, чем кто-либо другой, ведал греховность своих поступков. Именно она говорит, что не было у него этой симпатичной невинности детства, а скорее та склонность к греху, которая единственно возможна при таком необычном интеллекте.

Я попытался объяснить кое-что в Верлене, которого люблю. Люблю не только потому, что он создал новую поэзию, наивную, хрупкую, беглую, сотканную из тончайших звуковых ассоциаций, вдохновенную как дыхание музыки. Но и потому, что он вложил в нее всю свою беспокойную и раскрытую лушу. И я не могу не быть пристрастным к нему, ведь его слабости — такие человеческие, что пелают этого изломанного художника подобным любому из нас — малодушным и мягким человеком, который всей душой рвался к Богу и при этом грешил Разумом.
